

Леонид Фраймович
Иза Зиновьевна Фраймович

Поэзия
Миниатюры
Переводы

**Иза Зиновьевна Фраймович
Леонид Львович Фраймович
Поэзия моей мамы и мои
мин(д)иатюры и переводы**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3948015

Поэзия моей мамы и мои мин(д)иатюры и переводы.: Э.РА-Бриджс;

Тель-Авив-Москва; 2012

ISBN 978-5-965-7467-37-4

Аннотация

Иза Зиновьевна Фраймович (девичья фамилия – Петрушанская) родилась 25 января 1925 года, а 19 октября 1980 года её не стало. Пережив блокаду Ленинграда Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (вторая мировая война), заболела тяжёлой болезнью и в течение 23 лет была прикована этой болезнью к креслу.

Всё это время с ней был благородный и мужественный человек – её муж, Лев Гедальевич Фраймович (к слову – сам участник боёв под Сталинградом той же войны, потерявший в ней ногу; родился 18 октября 1922 года, умер 16 марта 1985 года). Кое-что из выборочно представленного здесь, в этой части книги, может показаться сырым, не обработанным окончательно, но это и не

удивительно: у Изы Фраймович не хватило сил и времени. Их было слишком было мало.

Наивность некоторых сочинений лишь кажущаяся, ибо они выстраданы. Кроме того, каждый человек – дитя своего времени.

Содержание

Поэзия моей мамы	5
Ветерок	7
Не слёзы	9
Спасибо	10
Дай забвенья	11
Болезнь	14
Память	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Леонид Львович Фраймович, Иза Зиновьевна Фраймович Поэзия моей мамы и мои мин(д)иатюры и переводы

Поэзия моей мамы

Иза Зиновьевна Фраймович (девичья фамилия – Петрушанская) родилась 25 января 1925 года, а 19 октября 1980 года её не стало. Пережив блокаду Ленинграда Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (вторая мировая война), заболела тяжёлой болезнью и в течение 23 лет была прикована этой болезнью к креслу.

Всё это время с ней был благородный и мужественный человек – её муж, Лев Гедальевич Фраймович (к слову – сам участник боёв под Сталинградом той же войны, потерявший в ней ногу; родился 18 октября 1922 года, умер 16 марта 1985 года). Кое-что из выборочно представленного здесь, в этой части книги, может показаться сырым, не обработанным окончательно, но это и не удивительно: у Изы Фраймо-

вич не хватило сил и времени. Их было слишком было мало.

Наивность некоторых сочинений лишь кажущаяся, ибо они выстраданы. Кроме того, каждый человек – дитя своего времени.

При всех этих возможных недостатках всё, сочинённое Изой Фраймович, нам нравится. Может быть, потому, что она для нас мама и бабушка?

Леонид Фраймович (сын).

Анна Фраймович (Коэн Яшар, внучка).

P. S.

Иза Зиновьевна Фраймович – номинант премии «Поэт года 2011» (том 1, несколько из представленных здесь стихотворений). Поэма и стихотворения о блокаде Ленинграда вошли в альманах «Воинская слава» (том 1).

(Конкурс и книги сайта «Стихи. ру» (www.stihi.ru))

Ветерок

Лёгкий, тёплый ветерок
Нежных дум поток повлёт,
Запах тех далёких дней
Трудной юности моей.

Вот принёс он запах школы —
Самых лучших дней весёлых.
Школьный бал и школьный вальс.
Незабвенный образ ваш.

Ветерок подул вторично —
Стало всё так необычно.
Думы горькие войны
Потянул из старины.

Ветерок не задержался,
Дальше в прошлое помчался
И напомнил дивный лес
Звуков полный и чудес.

Ель, сосну, осины ствол,
Куст малины, диких пчёл,
Говор птиц и шум листвы.
Низко спиленные пни.

Вдруг пахнул таким знакомым
Ливнем за стеклом оконным.
Чудным запахом весны
Первой после той войны.

Полумраком белой ночи.
Прелестью набухших почек.
Вешним сном далёкой были,
О которой позабыли.

Не слёзы

Ах, не трогай раны.
Не смотри в глаза.
Это капля крови.
Ты думаешь слеза?

Очень тонкой стала
В ранке той струна.
Волоском заденешь —
Закровит она.

Будь же милосердней
И не вспоминай.
О том, что было, будет
Не напоминай.

И не смейся, видя
На глазах слезу.
Это капля крови.
Сквозь неё гляжу.

Будто ты не знаешь:
Не плачу никогда,
А из глаз струится
Кровь, а не вода.

Спасибо

Спасибо, что вижу, спасибо, что слышу.

Спасибо – хотя бы сижу.

Спасибо, что есть на свете искусство,

Которым заняться могу.

Не знаю ни правил его, ни законов.

Я просто пишу и пишу.

Но мне и не надо ни славы, ни тронов.

Облегчило б душу мою.

Спасибо всем тем хочу я сказать,

Кто участь со мной разделил.

Спасибо, мой верный и преданный друг,

Что сердце своё сохранил.

Дай забвенья

Опять к тебе я прибегаю.
Всем сердцем я к тебе стремлюсь.
Что это мне даёт, не знаю,
Но я себе другой кажусь.

Как будто бы не я, как будто бы другая
Сидит уж много лет на кухне в уголке
И, слёзы горькие глотая,
Влажный платок сжимает в кулаке.

Со стороны, быть может, и не видно
Жестокою печаль и жало огорченья.
Но я-то чувствую, но мне-то так обидно!
О муза! Пожалей и дай забвенья!

* * *

Дождь в окне, долго длится ненастье.
Грустно слышать – закройте окно.
Вечность целую длится несчастье —
Лишь мгновение счастья дано.

Берегите же миг наслажденья.
Окунитесь в него с головой.
Уж не будет ему повторенья.
Только вспомнится что-то порой.

Набери счастья полною грудью,
Чтобы сердце не ныло потом.
И вне счастья, чтоб справиться с грустью
И ненастьем за вашим окном.

Ветер гнёт ветки ивы плакучей.
Плачет дождь над её красотой.
Только дуб величавый, могучий
Не согнётся в печали такой.

Он пустил в землю крепкие корни.
Всё подобрал, что земля может дать.
Ему ветер и солнце покорны.
Ровно будет в ненастье стоять.

Только чуть зашевелит ветвями.
Усмехнётся, прикроет глаза.
Будто он посмеётся над вами.
Нипочём ему буря, гроза.

Кто сумел взять прекрасные соки
Нашей брэнной, но сладкой земли —
Не страшны им жестокие роки.
Никакие дожди не страшны.

Болезнь

Плачет вьюга и злится, и стонет.
Звук шагов чьих-то там на крыльце.
Выступающий пот на ладонях
Холодеющих рук, на лице.

Что там движется очень большое?
Тянет щупальца, хочет обнять.
Оно скользкое, злое такое.
Боже! Страшно мне, буду кричать!

Липнет к телу рубашка ночная.
Пот течёт по обеим щекам.
Что ты смотришь? И кто ты такая?
Я тебе ничего не отдам.

Ничего у тебя я не брала.
Я тебе ничего не должна.
Что смеёшься? Наверно, ты знала,
Ты спешишь, ты за мною пришла.

Подожди: что-то важное я не сказала.
Что-то сделать ещё я должна.
Лишь в минуту прощанья узнала:
Ах, какую я глупой была!

Ну зачем распустили вы косы?
Ветер треплет, запутает их.
Завертелись у мельниц колёса.
Вдруг затянет и вас молодых.

Перемелет вам белые руки.
Передавит вам косточки все.
Не заметит жестокие муки.
Ну и что ж! Так всегда и везде!

Стоны их принимая за песню,
Перемелете всё, жернова.
Всё равно они крутятся вместе —
Человек, а с ним и трава.

Косит, косит своею косою.
Ещё смотрит, смеётся в глаза.
Убирайся! Я тебе не открою.
Здесь ещё я кому-то нужна.

За окном, вроде, капает что-то.
Солнца нет: оно ещё не взошло.
На стене чёрно-белое фото
Подмигнуло мне: всё, мол, прошло.

* * *

Я оставлю этот мир без сожаленья

О своей несбывшейся мечте.
Дорогие, я прошу у вас прощенья,
Что стремлюсь скорей к могильной тьме.

Там, мне кажется, я буду равной
Среди неживущих на земле:
Нет там ни последних и ни главных,
Всё вертится в общем колесе.

Но, когда мой дух воспрянет вольно,
Тело предадите вы земле,
Вспомните, что мне уже не больно.
Потому не плачьте обо мне.

* * *

Без пафоса, и шума, и бравад
Прими и дань мою, мой Ленинград.

Те девятьсот суровых дней,
Блокаду, нашу жизнь в ней.
Какие б ни прошли года,
Мы не забудем никогда.

Всем классом были в Стрельне
Двадцать второго, в воскресенье.
Но долго как-то не гулялось нам.
Разъехались все вскоре по домам.

Предчувствия всех, что ли, нас томили?
Мы об испанских детях много говорили.

К подруге по дороге я зашла.
Там первый раз услышала: война.
Потом уже не раз, не два
Мы слышали: «Вот кончится война...»
Ну а тогда не знали мы, что вскоре
Нам предстоит такое горе.

На крышах у ворот дежурил стар и млад
И наблюдал, как по утрам взмывал
аэростат.
Усиленно работал в эти дни военкомат.
Рыдали матери, прощался Ленинград.

С какую болью мы смотрели,
Когда от бомб склады горели!
Чёрный дым – то сахар жжённый.
Мука и масло, хлеб палённый.
Дворцы, мосты и Летний сад —
От пепла посерел весь Ленинград.
Началом мужества без колебаний.
Все верили, что город не сдадут.
Нам трудно будет, но фашисты не войдут.

Я помню, мы мальчишек в партизаны
проводжали,
А на другой день сами на окопы уезжали.

Нас в Веймарне высадили целый эшелон,
А в Кингисепп уже не шёл вагон.
Мы только разместились, начали копать,
Как с самолёта пулями фашист нас начал
поливать.
Пришлось к лесу нам бежать,
Дальнейшего приказа ожидать.

Увы, тогда ещё вначале
Наши солдаты к Ленинграду отступали.

Обратно шли пешком до Ленинграда,
А за спиной уже гремела канонада.
Когда из леса мы дошли до здания вокзала,
На рельсах лошадь первой жертвой
увидала.
И как-то сердце сжалось от печали.
Ведь мы войны до этого ещё не знали.

Деревни опустели.
Разбитые, сожженные дома,
В них трубы почему-то уцелели.
Солдаты пыльные со сжатыми зубами
В обратный путь шагали вместе с нами.
Чтоб неприступной сделать из солдат
ограду
И намертво закрыть последний подступ
к Ленинграду.

Мы шли три дня, три ночи.
Конечно, мы устали очень.
Но страшное нас ждало впереди.
А детство оставалось позади.

Я так хотела фронту помогать.
Решила кровь свою сдавать.
Анализы все собрала, сдала.
Кровь оказалась первой группы, я здорова,
кровь годна.

Но неудача преподносит мне и тут:
До восемнадцати лет кровь не берут.
Тогда на курсы медсестёр я записалась
И месяца 4 занималась.

Октябрь шёл, но школы не топили.
Подкрадывался голод, нас бомбили.
У магазинов дикие хвосты стояли.
Последние продукты по карточкам давали.
Мы тоже получили колбасу из крови.
Неделю кушали её, не боле.
А хлеб всё урезали, урезали.
Пока сто двадцать пять уж не давали.

Вначале, когда немцы нас бомбили,
Мы вниз на лестницу или к соседям
уходили.

Потом от голода страх притупился, мы
лежали.

Как будто и тревоги не слышали.

Но на занятия я шла.

Уже в той группе я была,

Что отправлять должны на фронт.

Тогда мне шёл семнадцатый год.

Но и на фронт меня не взяли.

«У вас ведь дистрофия», – мне сказали.

И правда, носилки я поднять уж не могла,

Но делать для фронта я что-то должна.

Ноги не слушались, идти не желали.

В холоде, в голоде все трое лежали.

Но что мне холод, что мне голод,

Когда в репродукторе: «...оставили город...»

Карандашом на обоях писала.

Над каждым оставленным пунктом рыдала.

Рукою худой, как ветка берёзы,

Я вытирала кровавые слёзы.

Нет, кто не пережил, тот не поймёт,

Как слово «оставили» сердце грызёт.

И всё же мы верили твёрдо тогда:

В наш город врагу не пройти никогда.

А иногда мы с постели вставали,

На санки кастрюли – за водой уезжали.
На улице снег – до колен увязали.
В снегу, зашитые в простыни, трупы
лежали.
Похоронить, видно, честно хотели,
Но расстояния не одолели.

На Фонтанке фигуру запомнила я:
Завёрнутых вместе – мать и дитя.
Отец их, наверно, на фронте сражался.
Не знал, что труп их семьи на Фонтанке
валялся.

Неделю иль две хлеба вовсе не *было*.
За ним на Васильевский остров ходила.
Навстречу и рядом шли чёрные лица:
Чтоб было напиться, жалели умыться.
Голодные взгляды по снегу блуждали
И что-то всё время искали, искали.

Мороз был сильнейший, как в голод бывает.
Плевков на лету до земли замерзает.
Кой-где месяцами горели дома.
Их не тушили: мёрзла вода.

И именно в это ужасное время
Я в театр попала, Онегина пели.
И где только силы артисты набрали?
Но пели отлично, отлично играли.

Не знаю, откуда терпенье берётся,
Но ясно одно: Ленинград не сдаётся.

Нам хлеб добавляли самую малость,
Но нам это, право же, чудом казалось.

Весной убирали от снега дворы.
На фабрику с мамой работать пошли.
Для маскировки там сетки плелись.

Потом как-то наши пути разошлись.
Мама слегла и больше не встала.
На оборонные Зоя попала.
Я же учиться было пошла,
Но не на долго: мать умерла.

Бедная мамочка, мало жила,
Видеть нас взрослыми не дождала!
В братской могиле её хоронили.
На похоронах мы с сестрою не были.
Много трупов из больницы возили.
Родичи их хоронить не ходили.

Тётка сообщила: «Ваша мать умерла,
Выдержать голод она не смогла.
Ещё до войны больною была.
Пусть же ей будет пухом земля».
Я плакала долго, долго скучала.

Ходила повсюду, работу искала.
По объявлению в ломбард поступила.
Теперь каждый день на работу спешила.

Вечером страшно в квартире пустой.
Шёл ещё только сорок второй.

Иногда с оборонных сестра приходила.
Ей говорю: «Перебраться решила».

Тётка в квартире своей прописала.
Вещи в руках я перетаскала.
Когда ж по асфальту машину катили,
Артиллерийский обстрел объявили.
Замерло всё: машины и люди.

Долго стучать метроном ещё будет.

Слышно: со свистом снаряд пролетит.
Среди тротуара машина стоит.
Потом уж, когда отбой объявили,
Дальше машину мы покатали.

Там две соседки ещё проживали.
Все в одной комнате мы зимовали.

Ох и тяжёлой была та зима.
От голода грызла подушки, рвала.

Но нет ужасней, не бывает больней,
Чем видеть больных и голодных детей.

Мальчик двухлетний, соседкин сынок,
От голодухи совсем изнемог.
Когда же из хряпы я суп приносила,
Мать ему больше оставить просила.
Ел жадно и быстро, косился на мать,
Чтобы успеть у матери взять.
Он так ещё мал был и стар был лицом.
И не знаком с героем отцом!
Его не отец, а страх, голод растили.
В нём чувства ещё первобытными были.

Проклятый фашизм, разве можно забыть?!
Жизнь человека во что превратить!

А мальчики те, что в хлебных стояли
И слабо прикрытый довесок хватали?
В рот запихнут и жуют, и жуют.
И пусть их голодные люди убьют.
Им всё равно, не до обид.
А взрослые злятся, а сердце болит.
Каждый своих голодных имеет.
Да и от голода чувства тупеют.

Таков был внешний вид Ленинграда,
Когда город любимый сдавила блокада.

Но эти голодные люди трудились.
Их головы перед врагом не склонились.

На заготовки в лес и я направлялась,
Хотя на ногах уж неважно держалась.
Ночью, тихонько, нас в катер грузили,
По Ладогe группами перевозили.
На той стороне нас машины встречали
И прямо на пасеку нас отправляли.

Первое время со страхом смотрела.
Сил не хватало, пилить не умела.
Старалась отчаянно, отчаянно билась,
Но мастером леса я не родилась.
К тому ж постоянно голодной была.
Порядком меня измотала война.
Девчата со мною пилить не хотели
И как-то со злостью даже глядели.
Ужасно страдала от этого я,
Но сделать с собой ничего не могла.

А время прошло, и я научилась.
Мне легче не стало, но я страшно
крепилась.
Я пробыла года там полтора.

Работала бракёром, потом – в мастера.

Вернулась домой уже в сорок пятом
С измученным телом и сердцем
помятым.

В норму я долго войти не могла.
И долго ещё я голодной была.
Столь длительный голод с ума чуть не свёл.
Нормальный меня б сумасшедшею счёл,
Когда б мои мысли он мог прочитать.
За хлеба кусок жизнь могла бы отдать,
Только не совесть, не мой Ленинград.
На это не хватит и двести блокад.
Такое и в голову не приходило.

Жизнь моя просто была мне не мила.
Я даже завидовать *начала* тем,
Что продавали любовь свою всем.
Они белый хлеб даже с маслом едали.
Такие ж, как я, только знали страдали.
Порой ненавистна себе я была:
Другие могли, а я не могла.

Ох, сколько мучений война принесла.
Будь проклято слово даже «война».

Теперь тем подонкам «за давностью лет»?
Но тех, что погибли, всё-таки нет.

Верните детей матерям, что рыдают.

Мужей жёнам верните, что их ожидают.
Детям верните отцов, матерей.
Ноги и руки на место пришейте.

Возможно ли сделать такое? Нет?
Какого же чёрта: «...за давностью лет»?

Сколько бы лет с тех пор ни прошло,
Миру известно это давно:
Дело не в том, что нужно отмщение,
А в том, что такое нельзя простить
преступление.

Память

На Подъяческой улице, дом девятнадцать,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.